

иером. Петр (Гайденко), В. Г. Филиппов

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ИНТЕРЕСАХ ЦЕРКВИ В ВОССТАНИИ 1113 г.

Уже на начальном этапе своей деятельности киевские митрополиты оказались втянутыми в социально-политические процессы, протекавшие в восточно-славянском обществе. Примером этого стало участие столичного Первосвященителя Никифора в возведении Владимира Всеволодовича Мономаха на Киевский великокняжеский стол. Разразившееся в городе восстание угрожало не только местной знати, но и монастырям. Согласно Повести временных лет, своим спасением обители были обязаны новому князю. Это мнение нашло свою поддержку в исторической литературе, в которой киевские монастыри обычно представляются местами ростовщичества и спекуляции солью. Однако нарисованная летописцем ситуация была сложнее и противоречивее. Есть все основания полагать, что обители оказались заложниками социального и династического конфликта. Данная статья посвящена церковной составляющей городского мятежа 1113 г.

Ключевые слова: *Киевская Русь, Русская Православная Церковь, Владимир Мономах, церковно-государственные отношения, киевское восстание 1113 г.*

Восстание 1113 г. — одно из важнейших событий XII в., привлекшее пристальное внимание исследователей еще на начальном этапе развития российской исторической науки. Произшедшие в тот год перемены в Киеве и последовавшие за ними реформы, связанные с именем Владимира Всеволодовича Мономаха, имели принципиальное значение для внутри- и внешнеполитической жизни древнерусского государства. При том, что в историографии существует вполне обоснованное мнение, что по целому ряду признаков религиозно-политическая жизнь Киева и Новгорода имела принципиальные различия, принимать эту научную позицию в качестве категорического суждения было бы делом опрометчивым. Восстание 1113 г. во многом предвзоветило «новгородскую революцию» тридцатых годов того же XII столетия. Однако следует признать, что в Киеве, в отличие от Новгорода, так и не произошло окончательного сближения первоиерархов с городской верхушкой. Столичные митрополиты не приобрели в Киеве того положения, которое было усвоено нов-

городским владыкам в их городе. Примечательно, что и сам титул «владыка», связанный с передачей в руки архиерея светской власти, первоначально использовался применительно к новгородским епископам и архиепископам. Тем не менее рассматриваемые нами киевские волнения представляют безусловный интерес уже потому, что одна из ведущих ролей в этом восстании принадлежала Церкви, а именно митрополиту Никифору.

Основные известия о восстании 1113 г. сохранились в Ипатьевской летописи и Успенском сборнике XII–XIII в. Кроме этого важным историческим памятником, позволяющим понять мотивы бунтовщиков и действия верхушки древнерусского общества, выступают правовые нормы, принятые вскоре после вступления Мономаха на киевский стол. Не менее ценным, хотя и небесспорным источником по истории восстания 1113 г. остаются известия В. Н. Татищева. Сохранив массу подробностей о действиях заговорщиков и самого Мономаха, этот источник привлек к себе особое пристальное внимание, которое, однако, оказалось очень критичным. В итоге по поводу достоверности сведений В. Н. Татищева возникла острая полемика. Проанализировав данные В. Н. Татищева о поступках Мономаха в 1113 г., С. Л. Пештич был вынужден признать сведения этого источника «фальсификацией»¹. К подобному мнению пришел и другой исследователь татищевских известий, Е. М. Добрушкин, констатировавший, что данными Татищева «невозможно пользоваться»². Однако в историографии были высказаны и более сдержанные оценки. Прежде всего они связаны с исследованиями И. И. Смирнова, Б. А. Рыбакова и А. Г. Кузьмина³. Последний, увлекшись полемикой с оппонентами по вопросу доверия к сведениям Татищева, даже попытался отстоять заведомо устаревшую гипотезу о славянстве иудео-хазар⁴. Наиболее сдержанной оказалась позиция Д. С. Лихачева, полагавшего, что считать В. Н. Татищева фальсификатором нельзя, а воспринимать его повествование следует критически⁵, что, впрочем, относится ко всем авторам исторических жанров.

¹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1. С. 250.

² Добрушкин Е. М. О двух известиях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 280–290; Добрушкин Е. М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. М., 1977. С. 76–96.

³ См.: Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв. М.; Л., 1963. С. 252–265; Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1979. № 1. С. 91–109; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982; Кузьмин А. Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1963. № 9. С. 214–218; Кузьмин А. Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Вестник Московского университета: Серия 8: История. 1972. № 5. С. 79–89.

⁴ Между тем, А. Г. Кузьмин поставил вопрос о религиозно-этнической стороне конфликта.

⁵ См.: Лихачев Д. С. Можно ли включить «Историю Российскую» В. Н. Татищева в историю русской литературы? // Русская литература. 1971. № 1. С. 64–68.

Первые попытки изучения киевских событий начала XII в., изменивших порядок наследования великокняжеского стола, были сделаны Г. Ф. Миллером, Г. З. Байером, и А. Л. Шлецером. В основном внимание этих ученых было приковано к политической и межкняжеской стороне конфликта. Эти научные акценты, сосредоточенные главным образом на внутренней стороне распрей среди членов правящей династии, соответствовали научным и политическим интересам XVII–XVIII веков. Сходную позицию можно встретить и в более поздних исследованиях, связанных с именами С. М. Соловьева и В. О. Ключевского.

Наиболее полно события 1113 г. были рассмотрены в исследованиях ученых советского периода развития российской исторической науки. И здесь основная заслуга принадлежит В. В. Мавродину, Б. Д. Грекову, М. Н. Тихомирову и Б. А. Рыбакову⁶. Внимание историков было обращено уже не только на династическую, но и на социально-экономическую и политическую стороны киевского восстания и последовавших после него реформ Владимира в области права.

В историографии встречаются и иные точки зрения на события 1113 г. При описании киевского восстания совершенно особую позицию занял русский эмигрант А. Дикий. По его мнению, восстание было вызвано этническими и религиозными противоречиями между местным населением с одной стороны, и иудеями и проповедниками латинства немцами с другой. Правда, при всей оригинальности высказанной гипотезы, предложенные этим исследователем выводы были основаны на тенденциозной трактовке сообщений источников о международных связях Руси⁷.

Как мы полагаем, особого внимания заслуживают выводы Р. Г. Скрынникова. Этот исследователь пришел к вполне обоснованному выводу, что мятеж имел своей целью справиться с конкуренцией людей Святополка на рынках Киева и одновременно избавиться от долгов, ограбив кредиторов⁸.

Практически все перечисленные исследователи признавали, что одними из виновников недовольства стали монастыри, занимавшиеся ростовщицеством и спекуляцией соли. При этом обращалось внимание, что важная роль на завершающем этапе волнений была отведена митрополиту, участвовавшему во встрече Мономаха. Между тем специального исследования роли и места

⁶ Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961; Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

⁷ См.: Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк, 1960. Т. 1.

⁸ Скрынников Р. Г. История Российская IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 173.

Церкви в городских волнениях 1113 г. сделано не было. Поэтому в рамках настоящей статьи мы постараемся отчасти восполнить этот недостаток.

Владимир Всеволодович взшел на Киевский престол по воле киевлян и в нарушение принципов наследования Киевского стола. Под 1113 г. ПВЛ сообщила о смерти киевского князя Святополка, предвосхищенной неполным затмением солнца: «остася его мало акы месяц долу рогома»⁹. Как ещё в свое время заметил С. М. Соловьев, обращение летописцев к природным знамениям исходило из понимания того, что «каждое необыкновенное физическое явление предвещает что-нибудь необыкновенное в мире нравственном, обыкновенно что-нибудь недоброе», т. е. в данном случае смерть князя¹⁰. Ипатьевская летопись многословно сопоставила увиденное и пережитое киевлянами с библейскими образами Антиоха и священного города Иерусалима¹¹.

Пышные княжеские похороны, по традициям своего времени сопровождавшиеся раздачей милостыни «монастырем и попом и оубогым», немало удивила современников своей щедростью¹². При том, что отпевание совершалось по обычаю, главными действующими лицами происходившего оплакивания князя выступали не священнослужители и киевляне, а бояре и дружина, на что обратил внимание М. Н. Тихомиров¹³. Что же касается митрополита Никифора, то его присутствие на похоронах вообще не было замечено летописцем. В целом известия о последовавших за этим событиях полны «недосказанности»¹⁴. Беспокойное правление старшего Изяславича завершилось драматично — пятидневным городским волнением, перед которым, по мнению М. Н. Тихомирова и Б. Д. Грекова, оказались бессильны и княжеская дружина, и городская верхушка, и система обычного права¹⁵. Подобное мнение можно встретить и у Б. А. Рыбакова, полагавшего, что начавшееся в Киеве восстание «напугало феодальные верхи и заставило их обратиться к единственно возможной кандидатуре популярного князя»¹⁶.

В нарушение обычной в таких случаях практики вступления на пре-

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 289–290; Т. 2. Стб. 273–274.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1054–1462. В 18 кн.: Кн. 2. М.; Харьков, 2001. С. 156.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274–275.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского Патриархата (988–1240). М., 1995. Кн. 2. С. 275.

¹³ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 134–137.

¹⁴ Там же. С. 136.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 134–137; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004. С. 601–603.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 462.

стол старшего в правящем роду Святославичи не предъявили своих прав на престол и даже не явились в Киев¹⁷. Медлил и Владимир, понимавший опасность самовольного захвата власти¹⁸. И уже на следующий день после похорон киевляне обратились с прошением к Владимиру Всеволодовичу вступить «на стол отень и деден»¹⁹. Полученный от Мономаха отказ совпал с разграблением в Киеве двора тысяцкого Путяты и разорением еврейского квартала. Лишь после второго приглашения, известившего князя о том, что восставшие киевляне готовы разграбить не только дворы княжеских родственников и бояр, но и монастыри, Владимир Всеволодович въехал в Киев. В целом упрашивать Владимира пришлось недолго: всего лишь пять дней, и это при том, что между участниками переговоров пролегалo значительное расстояние, около 80 км.

По мнению М. Н. Тихомирова, мятеж был подготовлен «всей политической Святополка Изяславича»²⁰. Но едва ли единственным виновником произошедшего был покойный князь. За недовольством восставших, по мнению ученого, скрывались эксплуатация зависимого населения Киева и его пригородов, а также высокие цены на соль и ростовщичество, в которых принимали участие не только столичная знать и княжеская родня, но и монастыри²¹. Поэтому вход уже пожилого, шестидесятилетнего Владимира Всеволодовича в Киев, если верить летописцу, спас город от мятежа и разграбления. Одновременно летописание подчеркивало законность вступления Мономаха на престол, обосновывая это тем, что обстоятельства 1113 г. повторяли ситуацию призвания новгородцами на княжение Рюрика²². Но, во-первых, верно ли видеть в восстании антифеодальную или, по меньшей мере, социальную основу? А, во-вторых, насколько оправданы обвинения Печерского монастыря в спекуляциях солью?

Акцентированное внимание летописцев на том, что именно известия об угрозе погрома монастырей побудили Владимира вступить в Киев, не позволяет нам полностью и однозначно согласиться с мнением прославленного исследователя. Не скрывались ли за благочестивым поступком Мономаха не только

¹⁷ Вероятно, медлительность черниговских князей объяснялась решительными действиями Владимира Всеволодовича, оказывавшего помощь Изяславу и таким образом пресекавшего претензии Святославичей на Киевский стол (*Татищев В. Н.* История Российская. В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 146).

¹⁸ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. и 4 кн. Кн. 1: Т. 1–3. М., 1997. С. 255.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

²⁰ *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. С. 137.

²¹ Там же. С. 134–137.

²² *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 465.

религиозные, что едва ли можно поставить под сомнение, но и иные мотивы, например, экономические, связанные с возможным наличием материальных связей княжеского и монастырского хозяйств?

Как уже было сказано выше, М. Н. Тихомиров полагал, что угроза со стороны восставшей части киевлян в отношении монастырей и прежде всего Печерской обители объяснялась вовлечением иночества в ростовщические сделки и сделки, связанные с продажей соли²³. Ученый обратил внимание на рассказ Патерика о черноризце Прохоре, у которого однажды, в 1097 г., князь Святополк Изяславич попытался отнять соль, раздававшуюся иноком всем, приходящим в монашескую келью преподобного за помощью. Отвечая на жалобы продавцов соли, Святополк Изяславич, по словам Патерика, решил, «что цена на соль будет высокая и, отнявши у инока, сам будет продавать её»²⁴. Если исходить из презумпции невмешательства сверхъестественных сил, то возникают, по меньшей мере, два вопроса: во-первых, что или кто был источником соли, изобильно и «чудесно» пополнявшей кладовые обители даже после того как её вывезли из монастыря, а во-вторых, почему князь так свободно мог ею распоряжаться?

Объемы соли, находившейся в распоряжении преп. Прохора, и большое число врагов из числа её продавцов позволяют говорить, что источником соли были не скромные пожертвования частных лиц, а собственные солеварни монастыря, либо кого-то из князей или знати. Основными поставщиками соли в Киев в этот период были Галич и Перемышль²⁵. Однако в период межкняжеского конфликта 1097 г., вызванного ослеплением Василька, князь Давид Игоревич, против которого действовал Святополк в союзе с Владимиром Мономахом и Васильком, запретил подвоз соли в города Южной Руси²⁶.

Несомненно одно — источники пополнения соли были легальными и не вызывали какого-либо препятствия со стороны власти, даже если эта соль поступала из земель, охваченных войной. Можно предположить, что часть солеварен, находившихся в ведении монастыря либо кого-то из князей, оказалась вне зоны действий конфликтующих сторон. Впрочем, трудно исключить и иное — нейтральная позиция обители в возникшей войне позволяла ей сохранить за собой поставки такого драгоценного продукта.

Теперь возникает следующий вопрос — о правах князя на «чудесно пре-

²³ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 135.

²⁴ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб., 2004. С. 431.

²⁵ Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 68.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 266–269; Киево-Печерский патерик. С. 431; Тихомиров М. Н. Древняя Русь. С. 135.

умножавшиеся» соляные запасы обители. Видеть в Святополке Изяславиче злодея, разбойника и вора слишком просто. Не следует забывать, что та же Печерская обитель фактически обладала великокняжеской ставропигиальной защитой. Б. Д. Греков, рисуя тяжелый характер Святополка Изяславича, убежденно писал, что князь не просто взял, а именно «пограбил» всю соль у обители²⁷. Уверенные действия князя и отсутствие каких-либо протестов со стороны обители (если не считать обид самого преп. Прохора) ставят следующую проблему: можно ли считать монастырские солеварни этого периода (если они существовали) и соль, как и иное ценное имущество обители, передававшееся ей от благотворителей, собственностью монастыря? Вероятнее всего, нет. Трудно исключить, что как делавшиеся в монастырь вклады: солеварни, рыбные ловы, места сбора мёда, сёла, так и поступавшие от них доходы, — выступали и рассматривались крупными вкладчиками, даже после их передачи монастырю или храму, как своя неотторгаемая собственность, которая при определенных условиях может быть изъята или использована вкладчиком или его правопреемником по своему усмотрению²⁸. Следовательно, дальнейшие события 1113 г. приобретают другое звучание.

Нет достаточных оснований и для упреков обители в спекуляциях по продаже соли. Рассказ Печерского патерика говорит об ином: о раздаче, которая сбивала цены на соль, что собственно и вызывало раздражение князя. Это обстоятельство дела было достаточно подробно проанализировано Н. Я. Аристовым²⁹. И, наконец, возникает вопрос: насколько актуальны были проблемы с солью в 1113 г., в то время как конфликт Печерского монастыря с великим князем относится к событиям 1097–1098 гг.?

Было бы ошибкой не учитывать то обстоятельство, что крупнейшими вкладчиками Церкви этого периода были потомки Всеволода Ярославича, т. е. сам Владимир Мономах и его дети. Вероятно, что разграбление монастырей нанесло бы ущерб не только обителям, но и их главному патрону — Владимиру, которым при вступлении в Киев наследовались не только родовое имущество, но и остальные великокняжеские вклады, значительная часть которых сохранялась в обителях. О том, что за действиями киевлян и Владимира Мономаха скрывались определенные экономические и политические расчеты, в которых Церкви отводилось не последнее место, говорят и иные обстоятельства «стихийных» беспорядков.

²⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 601.

²⁸ Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 52–53.

²⁹ Аристов Н. Промышленность Древней Руси. С. 69.

При том, что М. Н. Тихомиров пробовал нарисовать мятеж 1113 г. как стихийное народное восстание, высказанная им версия трактовки событий не учитывала некоторые обстоятельства. Поэтому дело нам не видится таким однозначным. Например, летописец называл и тех, кто занимался грабежами, и тех, кто вел переговоры с Владимиром Мономахом, одним словом «кияне». Если сопоставить описание этого восстания с событиями 1071 г. в Новгороде и Белоозере, то там восставшие — «смерды» и более аморфная дефиниция, «людье»³⁰, но никак не «новгородцы». В 1068 г. Всеслава освободили «люди кыевстии», — но созвавшие вече и руководимые местной верхушкой. Это были не «рядовичи», а состоятельные жители города и знать, т. е. «кияне», в дальнейшем поплатившиеся жизнью за изгнание Изяслава и призвание на престол Всеслава Полоцкого³¹.

Если проследить за дальнейшим ходом событий в Киеве в 1113 г., видна некая последовательность. Летописные известия о разграблении двора Путяты и еврейского квартала следуют после первого отказа Владимира вступить в Киев. Вслед за этим послы вновь направились к Владимиру, и на этот раз пригрозили князю, что «кияне» «пойдут на ятров твою и на бояры и на монастыре»³². Действия восставших как будто спланированы, создается впечатление, что они знают, кого и когда грабить. Трудно исключить возможность того, что последовательному разграблению подвергались не просто знать, а те, кто более всего был близок к последнему князю и ожидал или допускал возможность вступления на престол Святославичей, а не Всеволодовичей. Не была ли виновницей этих грабежей городская партия, желавшая видеть на киевском престоле Владимира и стремившаяся таким образом избавиться от людей Святополка на киевских рынках? И в этом отношении угроза княжеским родственникам и монастырям выступала тем фактором, который мог поторопить Владимира с принятием решения. Подобную точку зрения можно встретить у Н. И. Костомарова. Он полагал, что такими угрозами киевляне принуждали Владимира Мономаха вступить в город³³. В итоге прибывшему в город новому князю не только не пришлось наводить в городе порядок, он встретил блестящий прием, подобный тому, что когда-то, в 1018 г. получил польский король.

Впервые в древнерусских источниках вступление в город великого князя было описано с подробностями, заслуживающими особого внимания. Ипатьевская летопись так сообщает о начале великого княжения Владимира Мо-

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 165, 170; см.: *Викул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 40–52.

³¹ Мстислав Изяславич казнил именно «кыян» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 163).

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276.

³³ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2006. С. 37.

номаха, которое совпало с «неделей», т. е. воскресным днем: «оусретоша же и митрополит Никифор с епископы и со всеми кияне с честью великою седее на столе отца своего и дед своих и вся людье ради быша и мятежь влеже»³⁴. Торжественная встреча, оказанная новому великому князю, соответствовала средневековому обычаю встречи своего господина, вход которого в город, как правило, уподоблялся «входу Господню в Иерусалим» (Мф 21. 9–15), или вступлению Спасителя в Святой Град³⁵. Таким образом, на страницах древнерусских сводов Мономах предстал перед потомками не только умирителем волнений, ревнителем законности, порядка и справедливости, но и защитником веры, образ которого уподоблялся образу Христа.

Примечательно, что никак не проявивший себя в дни похорон Святополка Изяславича³⁶ и киевского мятежа осторожный митрополит Никифор не только не покинул Киев, как это было обычно для его предшественников на столичной кафедре, но и оказался со своим епископатом среди участников торжественной встречи.

Во вступлении Мономаха в Киев есть по меньшей мере два обстоятельства, заслуживающие некоторых комментариев. Во-первых, особой оценки заслуживает приветствовавшая князя толпа. Казалось бы, Владимира должна была встречать дружина и бояре, которые как будто, если верить М. Н. Тихомирову и Б. А. Рыбакову, были спасены от погрома. Однако при описании встречи Владимира Всеволодовича летописец не стал выделять во встречавшей князя толпе дружину, бояр и членов княжеской семьи. Есть и второе обстоятельство — тор-

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276.

³⁵ Это обычная средневековая церемония вступления господина в свой город. Что же касается дальнейшего принятия новых норм, прощавших должников перед ростовщиками, то эти действия Владимира вполне вписывались в практику проявления милости к преступникам со стороны нового правителя (см.: *Бойцов М. А.* Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 36–45, 59–67). Во всяком случае, ни один погромщик не был наказан.

³⁶ Митрополит и епископат не указаны среди лиц, которым была роздана милостыня по умершему князю (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275). Это означает, что Никифор мог самоустраниться от похорон и, в отличие от монашества и городского священства, отсутствовал на погребении князя. Если сравнить описания проводов Святополка Изяславича с похоронами его предшественников, то при погребении Всеволода Ярославича († 1093) епископат и духовенство были самыми активными участниками погребальных церемоний: «собрашася епископи игумени с черноризци и попове и бояре и прости людье вземше со обычными песньми и положиша оу святой Софьи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 208). Подобным же образом, т. е. подробно, летописание сообщило об участниках похорон Ярополка Изяславича († 1087). Тогда, на последних проводах князя, присутствовали митрополит и священники (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 198). То есть само упоминание о присутствии духовенства (с учетом его внутренних иерархических различий) на похоронах князя уже было нормой. Значит, было бы странным, если бы летописец не заметил на погребении князя главу русской митрополии, если бы тот действительно там присутствовал.

жественную процессию встречающих возглавил митрополит. Едва ли это обстоятельство свидетельствовало о том, что князь был возведен на престол с соблюдением каких-то особых церковных церемоний. Однако то, что митрополит принял участие во встрече князя и, вероятно, был свидетелем его посажения, нам видится очевидным. По сути, это первый случай официального вовлечения митрополита в церемонию возведения великого князя на престол.

О том, что митрополит был одним из виновников вступления Владимира Всеволодовича на киевский стол, свидетельствуют известия легендарной Иоакимовской летописи. В. Н. Татищев сообщает, что по смерти Святополка Изяславича «киевляне, сошедшись к церкви святой Софии, учинили совет об избрании на великое княжение, на котором без всякого спора все согласно избрали Владимира Всеволодовича»³⁷. По всей видимости, киевляне хорошо осознали возможности митрополита, как носителя высшего духовного сана, находившегося под покровительством рода Всеволода и одновременно представлявшего интересы Византии при решении спорных внутридинастических конфликтов. Примером этого могли служить события 1097 г., во время которых киевский митрополит был вынужден войти в состав посольства, призванного примирить Владимира Всеволодовича с киевлянами³⁸. Однако на этот раз, вероятно, митрополит Никифор сам принял активное участие в возникшем заговоре киевлян, желавших видеть на престоле не Святославичей, а Владимира, носителя крови византийских императоров. Поэтому отсутствие Первосвятителя на похоронах Святополка Изяславича и молчание иерарха во время погрома двора тысяцкого, позиция которого, наверное, была отличной от желания киевлян, нам видятся вполне понятными.

Таким образом, отношение различных церковных институтов к городскому мятежу не было единым. Об этом можно судить по встрече нового князя. А в ней никак не были замечены игумены монастырей. Так что нового князя митрополит встречал лишь совместно с другими епископами, то есть иерархи, имена которых, к сожалению, не названы, прибыли в город заранее — действия высших иерархов были спланированы, а ситуация в Киеве оказалась не такой драматичной, как это принято считать в историографии, или, по меньшей мере, контролируемой и не представляла угрозы для святителей, как это случилось в 1068 г., когда в Киеве был задушен холопами новгородский епископ Стефан³⁹. Вероятно, что, в отличие от епископата, позиция монастырей, значительная часть которых представляла интересы своих князей-крито-

³⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 146.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 267–268.

³⁹ Во время тех волнений погиб новгородский владыка Стефан (ПСРЛ. Т. 3. С. 473).

ров, была более сдержанной и осмотрительной. Во всяком случае, как мы уже обратили внимание, участие игуменов, даже игумена Печерской обители, во встрече Владимира Мономаха летописцем не было отмечено.

Среди людей, приветствовавших нового князя, никак не обозначены дружина Святополка и боярство. Было бы логичным предположить, что отсутствие упоминаний об участии дружинного окружения прежнего князя в торжественной встрече и посажении свидетельствует о том, что в дружинной и боярской среде возведение Владимира Мономаха было встречено неоднозначно. Вероятнее всего, это было связано с событиями мятежа. Предшествующие рассуждения приводят нас к выводу, что киевское восстание было направлено против родственников и окружения предыдущего князя, Святополка Изяславича, княжеской дружины, боярства, монастырей и евреев, вероятнее всего получивших при Изяславиче торговые и иные преимущества. В ходе восстания городская знать попыталась вернуть свои права на рынках и отстранить от торговли людей Святополка и лояльные к нему монастыри. То есть перед нами не просто антифеодалное восстание, а передел сфер торгового и политического влияния в Киеве. При этом митрополит, в отличие от монашества, поддержал претензии Мономаха. Вероятно, именно это обстоятельство в дальнейшем способствовало тому, что именно при Мономахе митрополитам окончательно удалось справиться с независимой канонической позицией киевских монастырей.

Hieromonk Petr (Gaidenko), Vitold G. Filippov

SOME NOTES ON INTERESTS OF THE CHURCH IN THE UPRISING OF 1113

Since the early days of Russian Orthodox Church metropolitans of Kiev became involved in the socio-political processes in Eastern Slavic society. An example of this is involvement of metropolitan Nicephorus in bringing Vladimir II Monomakh to Kiev throne. The rebellion that broke out threatened not only the local nobility, but also the monasteries. According to the Russian Primary Chronicle, monasteries were saved mainly owing to the new prince. This view found its support in the historical literature where Kiev monasteries were usually shown as places of usury and speculating on salt prices. However, the situation drawn by the chronicler was more complicated and contradictory. There is every reason to believe that the monasteries became hostages of social and dynastic conflict. This article focuses on the church's role in Kiev uprising of 1113.

Key words: *Kievan Rus, Russian Orthodox Church, Vladimir Monomakh, relationship between state and church, Kiev uprising of 1113.*